

Константин Михайлович Станюкович

НЕПОНЯТЫЙ СИГНАЛ

I

На «Орле» все господа офицеры носы повесили и только что спустились вниз, в кают-компанию, после парусного учения, словно в воду опущенные. Рассердился адмирал, начальник эскадры, собравшийся в Нагасаки, – известный в те далекие времена, о которых идет речь, как отчаянный «разноситель», вспыльчивый и необузданный человек, приходивший иногда в раздражение из-за пустяков.

Парусное ученье на всей эскадре прошло, казалось, хорошо, и адмирал был доволен, но под конец он вдруг насупился и стал мрачен. Густые брови адмирала сдвинулись.

А когда адмирал сердился и начинал, по выражению моряков, «штормовать», то даже самые храбрые, с воловьими нервами, люди испытывали некоторый страх и мысленно зывали ко господу богу: «Господи! За что это он рассердился? Успокой, боже, адмиральскую душу!»

Но несмотря, однако, что подобные моления искренне и горячо возносились решительно всеми офицерами на корвете, где «сидел», то есть имел свое местопребывание, адмирал, – начиная с капитана, пожилого, смелого моряка, не боявшегося океанских штормов, но трусившего, как огня, начальства, и кончая младшим механиком, – господь бог адмиральскую душу не смягчил.

Состояние духа адмирала, видимо, приближалось к «штормовому». Барометр быстро падал, предвещая бурю.

Быстрой и нервной походкой ходил адмирал взад и вперед по шканцам среди царившей вокруг тишины, наблюдаемый зорким и испуганным взглядом молодого вахтенного офицера, замершего на мостике. Адмирал ходил, словно негодующий зверь в клетке, весь вздрагивал, кричал, снимал с своей седой, остриженной под гребенку, головы фуражку и судорожно мял ее в своих толстых коротких пальцах, словно желая уничтожить эту белую фуражку.

«Начинается!» – подумал молодой офицер, не спуская очарованных глаз с адмирала, словно робкая антилопа перед страшным боа [1], готовым схватить ее.

Но адмирал не обращал ни малейшего внимания на трепетавшего в ожидании «разноса» мичмана и продолжал ходить. По временам с его уст вылетали отрывистые выражения самого морского характера. Он был по этой части настоящий виртуоз и такой, что боцмана и матросы только ухмылялись, дивясь его неистощимой фантазии.

Из себя адмирал был кряжистый, сутуловатый, небольшого роста, сильный и крепкий человек, лет за пятьдесят, пользовавшийся репутацией лихого и бесстрашного моряка. Лицо энергичное, резкое, крупное, загорелое, гладко выбритое, с колючими усами и с парой черных круглых глаз. Глаза эти, выпуклые, с кровяными жилками на белках, казалось, вот-вот сейчас выскочат и съедят вас живьем... По крайней мере такое впечатление производили они на

моряков, когда адмирал начинал штормовать. Во время штиля глаза эти, напротив, были мягкие, добрые и приветливые.

Матросы благоразумно удалились на бак и оттуда посматривали, что будет дальше. И страшно и в то же время любопытно было глядеть на гневного адмирала. Матросы хоть и боялись его, но были расположены к нему. Он не порол, не дрался, заботился о людях и был главным образом лишь грозой офицеров.

– Гляди, ребята, – шепотом говорил молодой рыжий матросик Аким Чижов, попавший из деревни в «кругосветку», – как ен шапку-то дерет. Гляди, братец ты мой! – возвысил голос Аким.

– Тише, дурень, тише... Неравно услышит! – отвечал чуть слышно товарищ, толкая Чижова в бок.

– Нет... Да ты, Егорка, погляди... Ишь ведь...

Проходивший в эту самую минуту боцман съездил молодого матроса по шее и прервал дальнейшую речь Чижова.

Адмирал в это время на секунду остановился и крикнул вахтенному офицеру:

– Господ офицеров наверх!

– Есть! – ответил мичман и послал вахтенного унтер-офицера передать адмиральское приказание.

Через минуту офицеры стояли, выстроившись, на шканцах. Никто не знал причины адмиральского гнева. Все знали отлично лишь одно: что адмирал в штормовые минуты разносил вообще и без какой-либо непосредственной причины, и каждый более или менее испытывал гнетущее ощущение служебного страха, ожидая, что именно его разнесет адмирал, любивший-таки огорошивать подобными сюрпризами.

Капитан, весь красный, пыхтел и отдувался, нервно теребя длинные усы. Старший офицер недоумевающе поглядывал своими рачьими глазами и в сотый раз припоминал: мог ли адмирал заметить какую-нибудь неисправность на корвете или не мог?.. Казалось, на корвете все в исправности. Старый штурман был покорно-угрюм, а старший артиллерист весь замер в какой-то трепетной истоме, находя в этом состоянии, по-видимому, даже некоторое удовольствие и умея трепетать перед начальством с замечательной виртуозностью, полагая, что излишний трепет дела не испортит. Милейший первый лейтенант Андрей Петрович, рыхлый, пухлый и краснощекий, на которого каждый «разнос» адмирала производил действие сильного слабительного, совсем пал духом, и толстые его губы шептали «укрощающую» молитву. Он хвалился, что знает такую, и нередко прибегал к ее помощи, хотя и не всегда с успехом.

Нужно ли говорить о других? Даже сам неустрашимый мичман Сережкин, пописывавший про адмирала юмористические стишки и легкомысленно хваставший не раз в кают-компании, что он несколько его не боится, – и тот слегка побледнел, хоть и старался сохранить хладнокровный и даже несколько небрежный вид, и на его юном лице ясно проглядывала мысль: «Попадет или нет?»

В эту минуту палуба корвета представляла собою картину недоумения и страха. И только два существа относились, казалось, безразлично к адмиральскому гневу: адмиральский камердинер Тимошка и корветский пес, из породы водолазов, Милордка. Он довольно комфортабельно устроился на припеке, у пушки, и, не обращая ни малейшего внимания на адмирала, лениво вылизывал свои мохнатые черные лапы.

Адмирал продолжал ходить и, вдруг остановившись перед офицерами, начал:

– Не раз уже я замечал... э... э... э... замечал, что вы, господа... э... э... э... относитесь к службе не с должною серьезностью.

Адмирал, вообще не отличавшийся ораторскими способностями, сделал длинную паузу и продолжал:

– Прошу помнить, что служба не шутка... э... э... э... Наши незабвенные учителя, Павел Степаныч Нахимов [2] и Владимир Алексеич Корнилов [3]... э... э... э... оставили нам завет, как нужно служить... служить... э... э... э... чтобы быть примерными офицерами... Многие из вас не являются к подъему флага... Срам-с!.. Многие не бывают у своих мачт, когда идет работа... Стыд! А я приказывал... Берегитесь!.. Шутить не буду! – вдруг крикнул адмирал. – Служба не шутка-с... Не шутка-с, господа!

Все «господа» внимательно слушали, приложив пальцы к козырькам фуражек. Пальцы артиллериста заметно дрожали.

Адмирал, видимо, затруднялся продолжать далее речь и сердито поводил на всех глазами. Как вдруг он весь побагровел и быстро наскочил на юного гардемарина, который почтительно слушал адмирала, но в его быстрых и лукавых глазах играла невольная улыбка. Эта улыбка, говорившая, казалось, что юнец понимает затруднительное положение оратора, и привела адмирала в бешенство.

– Вы что? – крикнул он, как оглашенный, наступая на гардемарина.

– Ничего-с, ваше превосходительство! – отвечал тот самым почтительным тоном.

– Под арест его!.. Я по-ка-жу... э... э... э... как служить... Я по-ка-жу! – гремел адмирал.

Адмирал смолк и, отойдя от гардемарина, снова заходил. Минуты через две он сказал, обращаясь к офицерам:

– Можете идти, господа, но прошу помнить, что я вам сказал. Служба не шутка-с!

Никто, разумеется, не сомневался в этом, и потому все довольно стремительно спустились в кают-компанию, продолжая недоумевать, что именно вызвало гнев адмирала.

«Гардемарина с улыбкой» посадили под арест, то есть в каюту.

– За что это вас? – спрашивали офицеры.

– Спросите у адмирала.

– Не улыбайтесь вперед! – пошутил кто-то.

Когда офицеры разошлись, адмирал крикнул:

– Флаг-офицера послать!

Перед адмиралом тотчас же предстал флаг-офицер. Адмирал любил этого бойкого и расторопного молодого человека и называл его исполнительным. И правда: лицо и немного

подавшаяся вперед фигура флаг-офицера в эту минуту выражали готовность не только исполнить приказание, но даже и броситься немедленно в синеву моря, омывающего красивые берега Нагасаки.

– Сейчас поезжайте к командиру, у которого не поняли сигнала «менять марселя» и потому запоздали... Попросить его ко мне!

– Есть, ваше превосходительство!

И флаг-офицер было пошел.

– Да бегом, бегом-с! – крикнул вдогонку адмирал, и так крикнул, что молодой флаг-офицер, словно лошадь, получившая шенкеля [4], сделав весьма грациозный скачок, пробежал средним галопом к трапу, вскочил в шлюпку и отвалил от корвета.

Отъехав этак сажен тридцать от корвета, флаг-офицер несколько пришел в себя и вслед за тем подумал: «Куда же ехать? За каким капитаном? Где не поняли сигнала?»

Кроме адмирала, никто этого не видал – не заметил и флаг-офицер, наблюдавший за сигналами. Казалось, на всех судах эскадры вовремя подымались сигнальные ответы... В порыве служебного усердия флаг-офицер не спросил адмирала, какого он требует капитана. Да и как было спросить? Он должен был знать и без спроса!

«Господи! Куда ж я поеду? – терзался бедный исполнительный молодой человек. – Корветов на рейде целых четыре. Ну, была не была, еду к Анисову... Верно, его требует! У него, кажется, позже всех переменили марселя – и вообще адмирал его чаще всех разносит!» – решил вдруг флаг-офицер и направил вельбот на корвет «Проворный».

Петр Дмитриевич Анисов в это время благодушествовал в своей каюте. Толстый, с большим брюшком, он лежал без сюртука на диване и пил чай. Самые радужные мысли бродили в голове толстяка капитана. Через два дня его корвет отделится от эскадры и будет плавать отдельно. Можно будет отдохнуть без адмирала... А то эти постоянные разносы!..

Столь приятные думы были прерваны неожиданным появлением флаг-офицера.

Он поздоровался и испуганно проговорил:

– Адмирал очень сердится, Петр Дмитриевич.

– Что вы? За что?

– Да у вас поздно переменили марселя! – продолжал флаг-офицер.

– Ну, положим, чуть-чуть опоздали...

Флаг-офицер ожил.

– Вас требует адмирал! – проговорил он, довольный, что не ошибся и нашел именно того, кого требовал адмирал.

– Так и знал! – воскликнул Петр Дмитриевич с тоскою в голосе. – Так и знал... Минутой позже и сейчас – выговор... Это черт знает что такое! Что, как он? Очень того? Штурмует? – допрашивал капитан.

– В самом разгаре...

– А фуражку топчет?

Адмирал, случалось, в минуту сильного возбуждения бросал фуражку на палубу и топтал ее ногами.

– Нет еще...

– Эй, Липкин! – крикнул Петр Дмитриевич.

Явился вестовой.

– Бегом наверх... Приготовить вельбот!..

Флаг-офицер вышел из каюты и, вернувшись на «Орел», доложил адмиралу, что приказание исполнено.

Несколько минут спустя громко стукнувшая дверь адмиральской каюты привела в радостное настроение вахтенного мичмана. Адмирал ушел к себе.

В это же время толстый капитан, мысленно призывая господ бога на помощь и тихонько крестясь, приставал на щегольском вельботе к адмиральскому корвету. Как-то осторожно ступая, шел он к адмиральской каюте.

– Что, как он? – спросил он мимоходом у вахтенного офицера.

Мичман безнадежно махнул головой и промолвил:

– Шторм двенадцать баллов, Петр Дмитрич!

Перед тем как войти к адмиралу, Петр Дмитриевич заглянул в его буфетную и спросил у адмиральского камердинера Тимошки:

– Где, братец, адмирал?..

– У себя-с.

– Очень он... того... сердит?

– Есть-таки! Да мне-то что! – с нахальной развязностью отвечал Тимошка.

Этот Тимошка, вольноотпущенный, из дворовых, наглый и дерзкий, с плутовским круглым лицом, покрытым веснушками, был продувная бестия. Зная все привычки барина, ловкий и расторопный, он умел угождать ему и сделаться необходимым, не боялся грубить и немилосердно обирал своего барина, старого холостяка. Адмирал был большой хлебосол и не жалел денег. Он любил, чтобы у него все было отлично, и приглашал каждый день к обеду, кроме штабных и капитана, еще несколько человек офицеров и гардемарин. Тимошка распорядился всем хозяйством и, разумеется, охулки на руки не клал.

– Что, можно к нему войти? Как он?

– Известно, зверствует... Разве его не знаете? Вот сейчас графин кокнул с сердцов! – проговорил Тимошка.

Петр Дмитриевич струсил. В голове его моментально пролетела мысль: «Ну, будет, значит, форменный разнос!»

– Доложи! – как-то оборвал толстяк.

И, внезапно почувствовав прилив отваги, словно бы он шел на abordаж с сильнейшим неприятелем, Петр Дмитриевич приосанился и, по возвращении Тимошки, решительно и

храбро вошел в адмиральскую каюту.

Адмирал ходил. Петр Дмитриевич поклонился. Адмирал остановился, пожал руку капитану и смотрел недоумевающе своими круглыми глазами на капитана.

Оба несколько мгновений молчали. Адмирал продолжал безмолвно смотреть на Петра Дмитриевича. Тот чувствовал легкое обмирание и усиленно сопел.

– Честь имею явиться, ваше превосходительство!

– Зачем?

– Изволили требовать, ваше превосходительство.

– Нет-с, не требовал!

Петр Дмитриевич отвесил поклон, пожал протянутую адмиралом руку и исчез из каюты со скоростью десяти узлов.

– Эй, Тимошка! – крикнул адмирал.

Никто не отзывался.

– Тимошка!.. Заснул, каналья?..

– Ну, чего вам? – проговорил, входя, Тимошка.

– Ивана Петровича послать!

Явился трепещущий флаг-офицер.

– За кем я вас посылал?

Молчание.

– Глухи вы? За кем я вас посылал?

Флаг-офицер безмолвствовал.

– Я вас посылал за Наумовым. Какого же черта вы мне Анисова подали, а?..

– Я, ваше превосходительство, думал...

Едва только молодой человек произнес последнее слово, как адмирал, начинавший было успокаиваться, внезапно побагровел.

– Думали? А кто просил вас думать?

Флаг-офицер молчал. Вся его поза выражала покорное сознание вины.

– Он думал?! Надо исполнять приказания, а не думать-с! А то: думал! Я вообще заметил... э... э... э... что вы последнее время стали думать...

– Я, ваше пре-вос-хо-ди-тельство, ста-ра-юсь не думать! – коснеющим языком лепетал флаг-офицер.

– Стараетесь, а все-таки думаете, – смягчился адмирал. – Оттого и делаете глупости... Размышления там разные годятся на берегу, а не в море... Прошу помнить-с... Ступайте и не думайте!..

– Прикажете съездить за Наумовым?

– Не надо! – резко оборвал адмирал.

Флаг-офицер улепетнул из каюты и, придя в кают-компанию, объявил, что шторм проходит. Адмирал его разнес совсем легко.

– Советовал не думать? – иронически заметил кто-то из молодежи.

III

Чудный вечер сменил жаркий день и принес с собою прохладу. Адмирал вышел из каюты и стал гулять по палубе. Он мало-помалу стихал.

Матросы толпились на баке и лясничали. В одной из кучек, примостившейся у орудия, старый матрос Никулин рассказывал о том, какие бывают начальники в гневе.

– У всякого, братец ты мой, свой характер... Всякий пылит по-своему. Наш осерчает, то ровно ведьмедь... ломит все... ну и ревет, словно его под микитки рогатиной шаркнули... Однако отходчистый, и нет того, чтобы драться...

– Это ты правильно, отходчистый... Загорится, запылит, а потом и забыл!.. – заметил кто-то из слушателей.

– Другой сердце свое больше на матросских зубах срывает, – философствовал на эту тему Никулин, – как отжарит с десятков морд, пыл-то и пройдет... Знал я такого начальника... Уж и лют же был на зубы, ах лют, а вобще ничего себе... адмирал был форменный... А то, братцы, был у нас на корабле капитаном Севрюгин... Нонче он, сказывали, в отставку ушел... Жаловаться нечего, командир был добрый, порол с большим рассудком, а опять же свою привычку имел: в сердцах плевался. Ты, примерно, на руле стоишь, и уж не зевай, братец ты мой, ежели Севрюгин сердит. Рыскнул на четь румба, а уж он и плюнул сверху, да так и норовит в самую морду попасть, так и норовит... И наловчился же попадать...

– Ишь ты...

– Сам этто плюнет, да и кричит: «Что, мол, такой-сякой, попал?» – «Точно так, вашескобродие!» – отвечаешь и оботрешься. Исплюется – и ничего... Сердце и отойдет.

– А страшной наш-то... у-у-у, страшной! – замечает Аким Чижов, тот самый молодой матросик, простодушный и впечатлительный, которому попало от боцмана за слишком живое выражение своего мнения насчет адмирала.

– Это кто?

– Да адмирал.

– Деревня ты, Акимка. Ты настоящих страшных еще и не видал... Наш-то добер с матросом.

– Я, братцы, на его даве глядел... Страшной! Этто как озлился... Такой глазастый... буркулы заходили, как у волка. Сам весь дрожит... А ус евойный так и ощетинился... Глядеть было страшно... Кула...

Вдруг голос Акима осекся на полуслове, и сам он стоит ни жив ни мертв. Перед самым его носом, в вечерней темноте, обрисовалась плотная фигура адмирала в белом кителе.

Невообразимый страх обуял молодого матросика. Мурашки забегали по спине. Он инстинктивно присел, пробрался за пушку и, ровно мышонок, что прячется от кота, проскочил к люку, спустился в палубу и заметался там, испуганный и бледный.

– Ты это что, Акимка? – спросил его матрос из кантонистов Петров, известный на корвете зубоскал, любивший поднимать на смех и морочить молодых матросов.

Аким рассказал и испуганно спросил:

– Что теперь мне будет?

Петров мрачно покачал головой и с самым серьезным видом ответил:

– А будет тебе то, что адмирал сейчас крикнет: «Кинуть, мол, грубияна Акимку Чижова за борт!» Вот что будет... Эх, жалко мне тебя, Акимка!

Аким совсем замер в страхе. Он и верил и не верил словам Петрова. Ему было жутко.

«Что будет с ним? Ведь что он сделал, о господи!» – думал молодой матрос, считавший себя в эту минуту великим преступником.

И, охваченный паническим страхом, он бросился к корветскому образу и припал ничком в горячей молитве.

А в ушах его раздавался страшный голос: «Кинуть Акимку Чижова за борт!»

Но прошло несколько минут, а адмирал не приказывал кидать Акимку за борт и не отдавал насчет его никакого приказа, хоть и слышал мнение матроса о себе. Совсем уже стихший, он сказал капитану, чтобы освободили из-под ареста наказанного гардемарина. Затем в раздумье прошел в свою каюту, приказал Тимошке подавать чай, достать кексов и варенья и пригласить к чаю только что освобожденного из-под ареста «гардемарина с улыбкой».

Матросы скоро успокоили «деревенскую простоту» – Акимку, поверившего «кантонищине». Страх простодушного матросика прошел совсем, когда он убедился, что наказывать его не намерены. И с той поры Аким почувствовал расположение к адмиралу и находил, что он «добер», хоть и страшен в гневе.

1880

1

Боа – удав; с давних пор считается, что он обладает способностью гипнотизировать свою жертву.

2

Павел Степанович Нахимов (1802–1855) – великий русский флотоводец, адмирал, один из организаторов героической обороны Севастополя, с октября 1854 года (после гибели

В.А.Корнилова) ее руководитель. 28 июня 1855 года смертельно ранен.

3

Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854) – выдающийся русский военно-морской деятель, вице-адмирал, один из организаторов героической обороны Севастополя. Погиб 5 октября 1854 года.

4

Шенкель – обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки.